

ОУИ НБ МГУ №774

О киевском детстве, знакомстве с Луначарским, работе в Коминтерне и писателе Якове Ильине

<http://oralhistory.ru/talks/orh-774>

13 ноября 1980

Собеседник

Глан Бетти Николаевна

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 13 ноября 1980 и опубликована 13 июня 2017.

Введение

Дружба с большевиками, угроза исключения из гимназии за революционную деятельность, уход из дома в шестнадцать лет и бегство с Красной армией из Киева в Одессу — это только начало бурной юности Бетти Глан. В семнадцать лет она работала в Наркомпросе, в 1922 году стала секретарем русской секции в Коминтерне молодежи и познакомилась со многими деятелями международного коммунистического движения. Однако, стремление «делать дело» привело ее на авиационный завод №1, где она занималась комсомольской работой и заведовала заводским домом культуры. Не менее яркая и творческая юность была у младшего брата Бетти Николаевны, писателя Якова Ильина. Его судьбе посвящена заключительная часть первой беседы.

О семье и друзьях детства

Виктор Дмитриевич Дувакин: Бетти Николаевна, прошу вас коротенько сказать о себе, а затем рассказать всякие интересные вещи, которые вы видели.

Бетти Николаевна Глан: Вы просили рассказать о детстве. Я родилась в одном из красивейших городов нашей страны, в стольном граде Киеве. Снежным морозным утром Рождества. Наверно, поэтому с детства этот день ассоциировался у меня всегда с веселой елкой, которую мы, дети, убирали вместе с родителями, хороводом, песнями, зажженными свечами, школьными каникулами, катанием на санках и коньках, с хрустальным тихим воздухом и очень праздничным настроением. Может быть, это определило на всю последующую жизнь мое влечение к созданию радостных праздников, так объединяющих и обогащающих людей. Я росла в семье, где достаток был обеспечен многолетним трудом отца, начинавшего свой путь с рабочего, ставшего потом мастером, а затем и управляющим фабрикой. С самого раннего детства нас приучали к домашнему труду, но для меня главным была учеба, которая занимала почти весь день. Школа, уроки, занятия музыкой ежедневно по три-четыре часа, иностранными языками, которые были в нашей школе обязательны. Даже, если точнее сказать, не в школе, а в гимназии. В первые годы я училась в гимназии.

Марина Васильевна Радзишевская: Скажите, пожалуйста, точную дату вашего рождения.

В.Д.: Дату рождения, имя, отчество.

Б.Г.: Я родилась, как я сказала, в первый день Рождества в 1904 году. Сейчас это 7 января. Тогда это было...

В.Д.: Значит, разные номера. Да, то 9 января, которое было в следующем году... Это по новому стилю или по старому?

М.Р.: Ну почему? Рождество...

В.Д.: Да, 6 января и так далее. Значит, 24 января по старому стилю?

Б.Г.: Нет. По старому — это 25 декабря, по старому, а 7 января — по новому. Я родилась 24–25 декабря, а потом это получилось 7 января.

В.Д.: Да, поэтому и год рождения у вас считался раньше третий, а оказался четвертый.

Б.Г.: Да-да, точно. Правда, по документам он третий, а фактически четвертый. Когда я поступала в школу, мне приписали один год, для того чтобы меня приняли, потому что мне было и так едва это самое: принимали только с семи лет, а мне тогда было шесть. А я уже и читала, и писала, и прочее.

В.Д.: А как вашего отца звали?

Б.Г.: Его как звали? Николай Борисович. Несмотря на длинный рабочий день, оставалось время и на спорт, и на детство. В семье, кроме меня, было еще трое детей. У всех свои друзья-товарищи, с которыми мы вместе и учились, и работали. Семья наша была очень дружная.

 Я с особой нежностью относилась к младшему брату, очень доброму фантазеру и мечтателю, впоследствии известному писателю Якову Ильину.

Я хотела бы назвать четырех самых близких наших друзей, с которыми мы общались, и в последующие годы с некоторыми общаемся и сейчас. Известный всем режиссер, лауреат Ленинской премии, Григорий Михайлович Козинцев, с которым мы были дружны и знакомы с наших тринадцати примерно лет. Он и тогда отличался какими-то яркими способностями. Правда, больше в рисовании, чем в литературе, которой он занимался много, как вы знаете. Конечно, меньше всего мы могли тогда подумать о том,

что он станет одним из самых известных кинорежиссеров страны. Александр Константиновский, который учился вместе с братом. Такая была студия «Эксперт», студия очень известная, которую вспоминают в своих книгах Каплер и другие. Александр Константиновский был потом главным художником Государственного оперного театра в Ленинграде, теперь имени Кирова. Это был крупнейший театральный художник. Там был Альперин, профессор медицины, жив сейчас, его старшая сестра — поэтесса, переводчица Мария Замаховская. Позднее мы подружились с группой студентов студии при театре, тогда он назывался Театр Соловцова, драматический театр в Киеве. Из них особенно как-то были близки (опять-таки общались мы много и впоследствии) несколько студентов. Тогда он назывался Владимир Нелли, впоследствии Нелли-Влад, главный режиссер Русского драматического театра в Киеве. Такой очень красивый, очень выразительный человек, безусловно талантливый был уже тогда, в юности. Шура Андерс, Александр Андерс, впоследствии актер МХАТа. И всем известный сейчас главный режиссер цирка* Марк Соломонович Местечкин, народный артист республики.

* Московского цирка на Цветном бульваре.

В.Д.: Сейчас столетие справляют.

Б.Г.: Да, цирка они справляют столетие. А недавно в прошлом году отмечали восьмидесятилетие.

В.Д.: Ему уже восемьдесят лет?

Б.Г.: Да, да. Все они были старше нас на несколько лет. И тем не менее... Тогда девушкам было лет по четырнадцать, а они были все старше нас на пять, шесть, семь, восемь лет примерно. Все они учились, были уже студенты, а мы только кончали школу. Братья Уриновы, впоследствии тоже режиссеры театра и кино. Их целый ряд.

В.Д.: Это была киевская группа? Или были приезжие из какого-то...

Б.Г.: Нет, нет. Это в основном коренная киевская, очень много лет. Там только, может быть, в самые ранние годы были в другом месте, а так вся жизнь была связана с Киевом. Там учились. Мы все родились в Киеве, наше все детство...

Учеба в гимназии и консерватории. Дружба с большевиками

В.Д.: А фамилия ваша не изменена?

Б.Г.: Да, моя коренная фамилия, хотя я потом вышла замуж. Затем примерно в 18-х — 19-х годах у нас в старших классах, отвечая на все новое, что тогда совершилось... Когда революция произошла, мне было меньше тринадцати лет. Тем не менее уже через год мы создали у себя в гимназии революционный комитет, и на мою долю выпало быть председателем этого революционного комитета учащихся, который настолько активно себя вел, что, когда в Киев пришли петлюровцы... А там, к великому нашему огорчению, очень часто менялись власти в ту пору.

В.Д.: До петлюровцев еще был гетман.

Б.Г.: Да, гетман, петлюровцы, потом уже позднее были белополяки, от которых я и удрала в Одессу. Так вот, когда пришли, то меня вызывали и имели специальный разговор, и было даже постановление исключить меня из гимназии за революционную деятельность, что было как-то смешно, потому что трудно было назвать таким именем, хотя мы очень активно действовали именно в контакте с молодыми большевиками, которые тогда были уже тоже среди наших друзей. Но, учитывая, что я была отличница, как сейчас говорят, и шла на золотую медаль, мне простили эти грехи и разрешили закончить восьмой класс, поскольку, как вы знаете, в гимназии было только восемь классов, которые равнялись теперешним...

В.Д.: Семь!

Б.Г.: Да, правильно, семь классов, а восьмой — педагогический.

В.Д.: Так что, собственно, десятилетка — это семь классов.

Б.Г.: Да. Восьмой только...

В.Д.: Только-только, дай бог.

Б.Г.: Это по объему, так сказать. А формально восемь классов равнялись десятилетке. Ну, восьмой — педагогический, после которого мы получали специальное право на преподавание. Я училась в Мариинской гимназии. А Мариинские гимназии были особые, потому что в них, во-первых, вообще уровень занятий был достаточно высокий. Очень большое внимание уделялось, как я уже говорила, языкам.

В.Д.: Простите, но как же вас в гимназию приняли?

Б.Г.: Приняли! Там были определенные количества, соотношения самых разнообразных национальностей. Принимали.

В.Д.: Принимали в Мариинские гимназии?

Б.Г.: Принимали. Принимали.

В.Д.: Я даже не знал этого. Я думал, что Мариинские — это привилегированные гимназии...

Б.Г.: Да, но тем не менее. Это были уже такие новые веяния.

В.Д.: Либеральное начальство было.

Б.Г.: Трудно сказать, потому что и в других тоже принимали представителей разных национальностей. Ну вот. Когда мне минуло примерно шестнадцать лет, значит, я только закончила гимназию, вернее диплом сдала, я решила уйти из дому.

В.Д.: Зачем?

Б.Г.: Потому что на Киев надвигалась армия белополяков, а у меня уже были друзья-большевики. Они были старше меня на несколько лет. Они были членами партии. Я вместе с ними, несмотря, конечно, на большие огорчения, возражения и слезы родителей, уехала.

В.Д.: Но с ведома их. Не сбежали.

Б.Г.: Конечно. Ушла из дому. Я не сказала, что сбежала. Что было для меня в этом еще очень грустно, что мне пришлось оставить консерваторию, в которой я к тому времени уже два года училась. А ранее я училась в музыкальной школе. Как я вам говорила, я занималась музыкой с шести лет. Шла я довольно хорошо и в консерватории. Директором тогда консерватории был Глиэр Рейнгольд Морицевич, нашей Киевской консерватории.

” У меня был великолепный профессор, такой Домбровский, который, узнав, что я уезжаю, а я с ним попрощалась, потому что я его очень любила как преподавателя своего, сказал: «Нашла что на что менять! Музыку на революцию!»

В.Д.: Это сказал Глиэр?

Б.Г.: Это сказал Домбровский. Профессор, который меня вел, возлагал надежды на меня и так далее. Для него музыка была превыше всего. Он политикой вообще не занимался никакой и был удивлен и огорчен таким обстоятельством. Ну вот, я уехала в Одессу со своими двумя товарищами.

В.Д.: Имя-отчество не помните, да?

Б.Г.: Я боюсь, сейчас не могу сказать. Хорошо, что я фамилию его точно помню, как и многие другие.

В.Д.: Но вообще он в музыкальной энциклопедии может быть?

Б.Г.: Может быть, но не знаю. Там было несколько известных профессоров, в том числе Тарновский, очень крупный профессор, у которого учился Владимир Горовиц. Он тоже киевлянин, знаменитый пианист, который в 20-м году уехал с родителями за границу, будучи четырнадцатилетним мальчиком, а сейчас он живет, как вы знаете, уже массу лет в Америке, женат на дочери знаменитого дирижера.

В.Д.: Можно на минуточку вас прервать?

Б.Г.: Конечно.

В.Д.: В сторону... Скажите, вы сейчас, конечно, читали Булгакова. Как раз Киев. Я москвич коренной, поэтому для меня это экзотика в какой-то степени. Правдиво, правильно передает атмосферу Булгаков вообще? Вот эти петлюровцы наступают, полный разброд среди этого офицерства... Очень интересно. Я читал «Молодую гвардию», когда мне было...

М.Р.: «Белую».

В.Д.: «Белую гвардию». Пятнадцать лет или четырнадцать.

Б.Г.: То есть «Дни Турбиных».

В.Д.: Да, но ведь есть еще роман. Или вы роман не помните весь?

Б.Г.: Да не в этом дело. Я достаточно много раз видела «Дни Турбиных».

В.Д.: Ну это немножко другое.

Б.Г.: Видите ли, ведь для каждого человека атмосфера — это дело в какой-то мере личное.

В.Д.: Конечно.

Б.Г.: Это зависит от того, в какой среде ты рос, каково было твое окружение. Я вам говорю, как первые революционные годы сложились для меня. Что у меня, наверно, вот с какой-то группой театральной молодежи, которая была в какой-то мере вне политики, с которой мы очень дружили и очень часто... Кстати, следует вспомнить, бесконечно любили театр и очень много его посещали. Нас стали водить с пяти лет в оперный театр, в котором тогда были великолепные певцы вроде Лидии Липковской, там был знаменитый бас Платон Цесевиц, очень известные тенора и так далее. С пяти лет мы уже посещали оперный театр, не просто детские спектакли. А в драматическом театре тогда, в эти первые годы революции, были просто актеры первой величины: Елена Полевицкая, Степан Кузнецов (знаменитый комик и, я бы сказала, трагик, который потом был актером Малого театра) и целый ряд других выдающихся актеров. Состав труппы был такой, который вполне подошел бы сейчас едва ли не любому театру Москвы. Поэтому мы с этой группой театральной молодежи были тесно связаны. Но вместе с тем, как я вам говорила, у меня уже были друзья-большевики, совершенно другой среды, которые на меня, вероятно, повлияли больше, чем вся та музыкальная и театральная среда, с которой я общалась.

Отъезд в Одессу. Знакомство с Луначарским

А Булгаков был в другой совсем среде, и естественно, что ему те нравы и все это должно было быть... Мне как-то довелось писать о том, что в 18-м году, когда петлюровцы как раз приходили, родителям довелось прятать большевиков у себя на чердаке и какое-то время скрывать их от пришедшей враждебной власти. Они потом всю жизнь оставались им чрезвычайно признательны за то, что они в буквальном смысле слова были ими спасены. А жизнь была очень тревожная.

В книге о брате, в большой такой статье о нем я писала, что мы иногда просыпались и не знали, с какой властью мы просыпаемся. Настолько часто там происходили всякие смены и так далее.

В.Д.: Тринадцать или четырнадцать правительств.

Б.Г.: Да. Вот почему, когда я уже стала постарше и могла уже распорядиться своей судьбой, я вместе с большевиками, как раз когда они отступали при наступлении белополяков, которое было потом разгромлено через какое-то время, поехала в Одессу. Там же, кстати, оказались тоже друзья моих товарищей, и меня очень быстро приняли на работу в комиссию по подготовке выборов. Уже в комиссию Одесского ревкома.

В.Д.: По подготовке выборов куда?

Б.Г.: Выборов в исполнительный комитет. Я была в комиссии ревкома по подготовке таких выборов. Выборов в исполнительный комитет.

В.Д.: То есть там была уже советская власть?

Б.Г.: Да. Там советская власть была в 20-м году.

В.Д.: В 20-м.

Б.Г.: Да. Я уехала-то в начале 20-го года, в январе 20-го года.

В.Д.: Ну да. Деникинская армия была разгромлена, а эта еще не была. Еще рано.

Б.Г.: Деникинцы уже были разгромлены. Были опять большевики. Потом вот...

В.Д.: Врангельская еще нет.

Б.Г.: Потом стали наступать белополяки.

В.Д.: Ну да, но все-таки в Одессу Врангель не входил.

Б.Г.: Ну вот, в Одессе я была с января 20-го года. Надо еще добавить, когда я кончала учиться в гимназии, у меня там тогда было очень большое увлечение стенографией. Несмотря на очень тревожную обстановку, я возвращалась поздно вечером с этих курсов стенографии, буквально выстрелы где-то так вот были. Совершенно безлюдные улицы. И я была довольно упрямая в целях, которые я себе обычно ставила в смысле их осуществления. Я кончила такой Высший институт стенографии. Это мне очень помогло. Это техническое было. Я считала, что мне пригодится для последующих занятий, как это и было, кстати говоря, в высших учебных заведениях и так далее. Но это мне помогло, когда я попала в Одессу. Я была тогда довольно редким стенографом, в отличие от теперь распространенной новой профессии сценографа, что происходит от слова «сцена». Это привлекало и заинтересовывало в том смысле, что охотно меня брали на работу и так далее.

Когда я работала в этой комиссии ревкома, в это время, в 20-м году, приехал в Одессу Луначарский с докладами, выступлениями и так далее. И так уж случилось, что мое руководство, когда Анатолий Васильевич сказал, что ему очень нужна надежная стенографистка хотя бы на пару дней, меня послало к нему поработать. Ну я не стану говорить о подробностях этого милого знакомства.

В.Д.: Расскажите, расскажите.

Б.Г.: Рассказать?

В.Д.: Расскажите. Это очень интересно.

Б.Г.: Я сидела, уже работала. В довольно обширной квартире, в которой они там были, находился еще Николай Петрович Горбунов, член реввоенсовета четырнадцать тогда, впоследствии управляющий делами Совета министров СССР, Совнаркома, вернее. Он ведь был еще и ученый крупный. Он ведь занимался целым рядом вопросов. Он восходил на Памир, между прочим. И вообще был очень интересным человеком.

В.Д.: Простите, кстати, он управляющим делами Совнаркома был до Бонч-Бруевича или после?

Б.Г.: После. Бонч-Бруевич был 18-й, 19-й, 20-й, 21-й годы. А он был в это время в армии, когда я с ним познакомилась. Он был членом реввоенсовета четырнадцать.

В.Д.: Что значит «реввоенсовет четырнадцать»?

Б.Г.: 14-й армии.

В.Д.: Ах, 14-й армии.

Б.Г.: Которая тогда была в Одессе. Центр ее был в Одессе, а армия сама была в разных местах, в том числе и в Первомайске таком, в городе, это недалеко от Одессы, с которым пришлось мне потом познакомиться.

Анатолий Васильевич зашел в комнату, я сидела за машинкой, уже что-то расшифровывала из того, что меня попросил сделать Николай Петрович Горбунов. Он посмотрел, сказал: «Это что еще за белокурый ангел тут сидит?» Ну, как говорят, в семнадцать лет какая шапка не пристала? Так что естественно, что в этом возрасте люди могут быть достаточной мере привлекательными и так далее. Мы с ним разговорились, и тут же он мне продиктовал какую-то свою небольшую статью, которую ему нужно было.

” **Буквально на следующий день он довольно категорически заметил, что мне нечего делать в Одессе, что я должна немножечко поработать с Николаем Петровичем и к осени поехать в Москву.**

Еще больше укрепилось его решение после того, когда мы вместе отправились на поезде в Первомайск. Было решено по моей просьбе, чтобы я поехала поближе к действующей армии, а там находился политотдел 14-й армии. Начальником политотдела был тоже чрезвычайно интересный человек, Иван Иванович Мирошников, впоследствии заместитель Горбунова, заместитель управделами Совета министров. Брат его (по-моему, я не ошибаюсь) был директором автозавода в Горьком очень много лет.

В.Д.: Слышал его фамилию.

Б.Г.: Я поработала какое-то время там в политотделе. Что мне запомнилось и было необычайно для меня интересно, что мне приходилось записывать и расшифровывать донесения с фронта и очень интересные донесения подпольщиков, которые работали во враждебных тылах. Там я пробыла не очень долго, потому что Николай Петрович Горбунов меня отозвал потом к себе в Одессу, где я работала его помощником до осени.

Я коснулась вопроса о том, как мы ехали. Мы ехали, значит, в специальном вагоне, в котором были Анатолий Васильевич, его стенографистка постоянная, Екатерина Дмитриевна, его секретарь, Александр Флаксерман...

В.Д.: Да, я слышал.

Б.Г.: Саша Флаксерман, очаровательный человек совершенно, многолетний его секретарь, которого Анатолий Васильевич очень любил. Вы, вероятно, слышали фамилию его брата, Юрия Флаксермана.

В.Д.: Нет. Я очень близок был с его сестрой.

Б.Г.: Я сестру не знала.

В.Д.: Сестра его Галина Флаксерман. Он Александр...

Б.Г.: Отчество его забыла сейчас. Сашей он для нас был. Вообще любопытное явление, что я встречаю иногда друзей своей комсомольской юности, и мы все знаем имена друг друга и почти не знаем никогда отчеств. Как я не знала отчества долгое время ни Чаплина, ни Мильчакова, ни многих других своих друзей по комсомолу, потому что у нас это не было принято, как сейчас, называть молодых таких по отчеству. Что было интересно, помимо того, что в этой поездке как-то много довелось говорить с Анатолием Васильевичем, он особо обратил внимание на то, что мне довелось серьезно изучать языки. Это его очень заинтересовало, потому что, как вы знаете, людей, знающих языки, в ту пору было мало, а потребность в этом была очень большая.

В.Д.: Много, но в других классах.

Б.Г.: Да. В других классах, в другой, так сказать, среде. А в этой среде было сравнительно мало. И он тогда еще более решительно сказал, что мне обязательно нужно учиться дальше, что нечего там мне делать одной, что я должна осенью поехать в Москву. Но в пути случилось одно интересное событие. Горбунов женился на его стенографистке. И в вагоне было это отмечено, произошла свадьба. Вероятно, очень редко где бывало, чтобы свадьба произошла непосредственно в вагоне. Все ее отметили, поздравили их очень тепло, пожелали им всего самого хорошего.

В.Д.: Как звали эту стенографистку?

Б.Г.: Екатерина Дмитриевна. Фамилию я не помню. Звали ее Екатерина Дмитриевна. Примерно где-то так к осени, в сентябре 20-го года, мы получили официальный вызов из Москвы.

В.Д.: Он был до 20-го?

Б.Г.: Анатолий Васильевич.

В.Д.: И он до 20-го года был в Одессе?

Б.Г.: Нет! Вот этим поездом, которым мы поехали в Первомайск, он вернулся.

В.Д.: Куда вы поехали?

Б.Г.: Я в Первомайск поехала, Вапнярка бывшая, недалеко от Одессы, где находилась 14-я армия.

В.Д.: Как называлось?

Б.Г.: Политотдел 14-й армии. Вапнярка.

М.Р.: А сейчас ведь есть Вапнярка. Это другая?

Б.Г.: Да это не важно. Первомайск.

М.Р.: Сейчас есть Вапнярка. Это другая? По этой дороге едешь когда.

Б.Г.: Ну, может быть, да. Это ведь как бывало, что какие-то названия переименовывали, потом их возвращали...

М.Р.: Но сейчас есть Вапнярка, точно.

Б.Г.: Ну, я проверю еще по записям. Анатолий Васильевич уехал в Москву. Он пробыл там какое-то время, выступал очень много страстно и горячо.

В.Д.: Летом 20-го года.

Б.Г.: Да-да. У меня есть одна интересная статья. Когда я приехала в Одессу сравнительно недавно в командировку, то там вдруг появилась в комсомольской газете огромная статья кого-то из сравнительно

молодых журналистов, которые вдруг вспомнили, что я та самая, которая в 20-м году познакомилась с Луначарским, работала тогда в армии и так далее. Это меня удивило очень, потому что мне казалось, что это обстоятельство вряд ли кого-нибудь заинтересовало и давно было забыто. Но это было связано с последующей моей работой.

Переезд в Москву и работа в Наркомпросе

Я приехала в октябре 20-го года в Москву, причем мне был выдан такой большой мандат. К величайшему сожалению, он не сохранился, как очень многое другое, что было затеряно во время войны. Там было написано: «По предложению наркома просвещения Анатолия Васильевича Луначарского Бетти Николаевна Глан направляется в Москву для дальнейшего проживания и учебы. Член РВС 14 Николай Петрович Горбунов».

В.Д.: Да, да, да. И вопрос прописки так устроили.

Б.Г.: Надо сказать, что ехали мы тогда (это тоже небезынтересно) чуть ли не пять дней.

В.Д.: Из Одессы?

Б.Г.: Да, из Одессы в Москву. Нет, даже из Киева, потому что я заехала на несколько дней, чтобы повидать родителей и проститься с ними уже совсем всерьез, поскольку я уже уезжала на постоянную жизнь, а они оставались и были еще какие-то годы в Киеве. Они переехали уже гораздо позднее, примерно через десять лет, в Москву. Вот и Москва — голодная, холодная, веселая, радостная для меня. Жили мы вместе с моей теткой, которая училась на...

В.Д.: Это был 20-й год. Вам шестнадцать лет еще?

Б.Г.: Да, да. Шестнадцать лет. В медицинском институте она училась. Мы нашли какую-то хибарочку на Остоженке, дом тридцать один. Как теперь помню. Конечно, сейчас этого домика нет. Это была такая деревянная хибарка. На втором этаже, куда вела такая деревянная лестница, была небольшая комнатуха.

В.Д.: До сих пор так живут.

Б.Г.: Да?

В.Д.: Не хибарка, но такие лестницы.

Б.Г.: Нет, это был домик действительно почти на курьих ножках. Понимаете, тогда Москва была не такая заселенная, но тем не менее найти какое-то место для жилья все равно было непросто. И средства были ограничены, так что надо было как-то жить, протягивать ножки по одежке. В этой чрезвычайно скромной комнатухе, оклеенной какими-то лубочными картиночками и плакатами, с печкой-буржуйкой неизменной, без которой тогда ничего не обходилось, мы и поселились. Работать я начала сразу в Наркомпросе. Сразу Анатолий Васильевич взял меня к себе на работу.

В.Д.: Вот как.

Б.Г.: Да, сразу.

В.Д.: Понятно.

Б.Г.: Я там проработала целый год. Работала я секретарем Главного художественного комитета. Такой был, где мне довелось тоже познакомиться с очень многими интересными людьми, в том числе с профессором Коганом, такой был.

В.Д.: Пётр Семёнович? Я его слышал.

Б.Г.: Да, с Петром Семёновичем. Я потом тоже его слушала в университете. И целым рядом других.

Анатолий Васильевич, который у меня остался в памяти, был самый светлый, самый замечательный, какой только может быть. Я его считаю одним из самых замечательных людей вообще того времени. Он был к тому же необычайно добр к молодежи. Он очень любил все мало-мальски способное. Он очень любил энтузиазм молодежи. Он чрезвычайно поддерживал всех и по театральной линии, и по политической, и по какой угодно другой.

Ему было только важно, чтобы эти люди повернулись и лицом, и душой, и сердцем к революции. Это было самое важное.

Я знала многих молодых, которым он очень помог, и на всю жизнь осталась ему бесконечно благодарна за то, что он, собственно, определил мою судьбу и дальнейшие пути. Он каждую неделю через Сашу Флаксермана меня вызывал к себе. У него была такая запасная комнатка за его большим кабинетом, где я ему давала отчет о своей деятельности. И, кстати, я сразу поступила — по его настоянию — на Высшие иностранные курсы французского языка, по французскому.

В.Д.: Флаксерман Саша — не Константинович*?

* Флаксерман Александр Николаевич (Абрамович).

Б.Г.: Я узнаю. По-моему, Александрович. Я узнаю благодаря его брату Юрию, который был крупным деятелем потом в кино и так далее. Он старый большевик, он жив и сейчас. Саша ведь погиб очень скоро. А тот, по-моему, недавно где-то у нас в театральном обществе, где я сейчас работаю, он выступал с каким-то докладом и так далее. Это можно будет потом узнать.

Учеба на Высших иностранных курсах и в 1-м МГУ

Ну вот, и я одновременно поступила на Высшие иностранные курсы, а через короткое время — и в университет заочный, 1-й МГУ, на так называемый ФОН — факультет общественных наук, на отделение внешних сношений. Это тоже было настояние Анатолия Васильевича. Поскольку там очень важно было знание языков...

В.Д.: 21-й год?

Б.Г.: Да.

В.Д.: Поступили на отделение внешних сношений ФОН.

Б.Г.: Да. Которое теперь, собственно говоря, МИМО.

В.Д.: МИМО — это...

Б.Г.: Да. Это институт международных отношений, в котором тоже выращиваются кадры будущих дипломатов и внешнеторговских работников.

В.Д.: А этот самый институт выделен в свое время из университета? Или он сам?

Б.Г.: Этих подробностей я не знаю. Я кончила в 25-м году, уже я тогда работала.

В.Д.: Я в 26-м поступал.

Б.Г.: Уже я тогда кончала параллельно... Я ведь училась на заочном.

В.Д.: Значит, вы университет окончили?

Б.Г.: Да, да, да. 1-й МГУ.

В.Д.: 1-й МГУ.

Б.Г.: По отделению внешних сношений. Где-то у меня есть (я вам к следующему разу подготовлю) даже наша карта: такая, знаете, когда кончают университет, то все снимаются.

В.Д.: Газета «Первый университет» тогда выходила уже? Не помните?

Б.Г.: Ну стенная газета.

В.Д.: Нет. «Первый университет».

Б.Г.: Может быть, я не помню. Я помню, что стенная газета была точно. Поскольку это был заочный, я имела право бывать не каждый день, но в достаточной степени часто. В общей аудитории, которую вы, наверно, знаете, 1-го МГУ, на улице Герцена, там была масса интереснейших лекций.

В.Д.: В Коммунистической аудитории, Богословской бывшей.

Б.Г.: Там выступал, например, неоднократно Рейснер, отец Ларисы Рейснер, который был профессором права. Ну и целый ряд других очень известных деятелей. Ключевский историю вел.

В.Д.: Нет, это вы уже путаете. Ведь Ключевский...

Б.Г.: А, Удальцов.

В.Д.: Удальцов! Это другое дело. Будущий ректор.

Б.Г.: Да, да, да. Удальцов. Я же просто книгу его выучила. Учили по ней и занимались.

В.Д.: А вы занимались по Ключевскому, а не по Покровскому?

Б.Г.: И по Ключевскому, и по Покровскому. Что было тогда. Тогда не все учебники были. Приходилось пользоваться иногда старыми и так далее.

Но я, как я говорила, училась заочно, а работала я после Наркомпроса...

В.Д.: А Наркомпрос в то время еще был на Остоженке?

Б.Г.: Да. Там, где теперь находится МИМО.

В.Д.: Где был Институт красной профессуры.

Б.Г.: Да. Где рядом находится бассейн «Чайка», в котором я плаваю уже двадцать лет.

В.Д.: Нет, извините, не рядом. Потому что я ничего такого... Он в конце Кропоткинской.

Б.Г.: Это вы путаете, а не я путаю. Там «Москва». А первый открытый бассейн в Москве — это «Чайка», которая находится буквально в двадцати метрах от бывшего здания Наркомпроса. Сейчас там как раз Институт международных отношений.

В.Д.: Значит, это 21-й — 25-й.

Б.Г.: Да, это учеба. А работа — в 21-м году я была в Наркомпросе. Нет. С конца 20-го по осень 21-го. А осенью 21-го года меня забрали (опять-таки благодаря тому, что я знала неплохо два языка) на работу в Коминтерн, во французский сектор.

В.Д.: Во французский?

Б.Г.: Во французский сектор, да.

В.Д.: Тогда английский был не в моде.

Б.Г.: Нет. Когда мы заканчивали, последние полтора-два года, у нас было два языка обязательных на отделении внешних сношений, а третий был факультативный, но все-таки надо было его сдавать. Тогда я очень усиленно занималась английским языком.

В.Д.: Сейчас вы знаете три языка?

Б.Г.: Да. Если более-менее знаешь французский, немецкий язык, то тогда английским — хотя бы пассивно, в смысле чтения, разговора и так далее — овладевать не так уж трудно.

Работа в Коминтерне и на Авиационном заводе №1

К языкам у меня были способности, и поскольку я работала уже в Коминтерне потом, там приходилось много разговаривать. К тому же, когда я была принята на работу в Коминтерн, меня поселили в «Люксе», в общежитии Коминтерна — теперешняя «Центральная» гостиница. Это рядом с Домом актера на улице Горького.

В.Д.: Как она раньше называлась?

Б.Г.: Вот «Люкс» и называлась.

В.Д.: Ах, так. «Люкс». Что гостиница с таким названием была, я не знал. Сейчас это характеристика.

Гостиница «Люкс». Тверская улица, 10, Москва, 1910-е гг.

Б.Г.: Вообще она была очень широко известна, потому что там жило очень большое количество известных деятелей мирового коммунистического движения. Это название «Люкс» часто фигурирует во многих воспоминаниях таких деятелей и так далее. Вот так. А там уже я работала во французском секторе, но мне приходилось просто общаться с различными представителями разных народов и национальностей. И там мне удалось немножко овладеть итальянским языком, который меня привлекал просто по линии искусства, не считая того, что итальянский — это красивейший язык вообще, да к тому же мне просто пришлось подружиться там с группой итальянцев. Когда с людьми разговариваешь, всегда легче язык изучать.

В.Д.: Кто-нибудь из коминтерновских ваших знакомых запомнился особенно?

Б.Г.: А это мы будем очень отступать, если так вспоминать все, что было на путях.

В.Д.: Выплывает, выплывает. Парк — это было вообще единственное, что я про вас знал, из-за чего мы здесь записываем.

Б.Г.: А как же. Парк все-таки начался, когда мне было двадцать пять лет, двадцать четыре с чем-то.

В.Д.: Такая биография.

Б.Г.: А до этого была еще большая жизнь, потому что в 21-м году я уже была в комсомоле и параллельно с работой в Коминтерне, которая начиналась там с девяти утра, я работала, была прикреплена Краснопресненским райкомом комсомола к большому авиационному заводу. Это был знаменитый Завод №1*, а теперь еще более знаменитый, потому что тогда он был в очень таком разрушенном состоянии, с большим трудом тогда выпускали первые машины, еще деревянные машины и так далее. Но это был 1-й авиационный завод. Когда-то велосипедный завод, бывший «Дукс». Там мне довелось заниматься восстановлением комсомольской ячейки, которая распалась во время Гражданской войны.

* Государственный авиационный завод № 1 (ГАЗ № 1). В более поздние годы получил название «Знамя Труда».

В.Д.: Как распалась?

Б.Г.: Распалась — все комсомольцы ушли на фронт.

В.Д.: То есть возник комсомол, по-моему, в 18-м.

Б.Г.: В 18-м. Да. В 18-й – 19-й годы была там группа комсомольская, а потом они почти все ушли на фронт. Когда я в 21-м году была направлена Краснопресненским райкомом комсомола, там оставался один-два человека, которых нельзя было назвать, как мне кажется, ячейкой. Я была прикреплена к комсомольской организации этого завода, и там мне довелось еще заниматься созданием одной из первых фабзавуч*, которая потом очень много лет там существовала и до сих пор существует как кузница кадров и так далее. Тут можно вспомнить то, о чем тоже уже писалось не раз, что вместе со мной в бюро комсомольской организации было два интереснейших тогда паренька, члены бюро. Такой Шура Ефремов, впоследствии Александр Илларионович Ефремов, министр среднего и тяжелого машиностроения, директор завода «Красный пролетарий» перед этим, а потом министр среднего и тяжелого машиностроения. Он был слесарем, токарем завода. Еще один парнишка очень интересный — Володя Чернышёв, который впоследствии был директором Завода №500. Это просто любопытно, что опять мальчишки, которые тогда начинали только свой путь как ученики, а потом уже и рабочие завода, впоследствии, выросли в крупнейших деятелей в области промышленности.

* Школа фабрично-заводского ученичества, школа ФЗУ.

Интересно еще, может быть, для характеристики того времени. Фабзавуч первое время занималась где-то там на чердаке. Ребят было много: примерно тридцать пять мальчиков ходило на занятия. Занятия в нем — политграмоту, потом текущую политику, литературу — я преподавала с семи утра. В семь утра, значит, я ездила туда на занятия. Там была до половины девятого. К девяти я уже попевала в Коминтерн. После Коминтерна три-четыре раза в неделю ходила в университет заниматься, к тому же мы еще попевали заниматься и спортом, и ходить в театр и прочее, и прочее. Так что это просто характеристика такого чрезвычайно неумного и чрезвычайно радостного времени при той, я бы сказала, чрезвычайно скудной материально жизни в первые годы. Потому что после, как вы знаете, 20-го – 21-го года было очень голодно. Я знаю такую деталь, если вам она небезынтересна.

Когда у нас в Наркомпросе как-то один раз давали котлеты из конины, то по всем коридорам бегали мы, девчонки, и всем кричали: «Не опоздайте! Торопитесь! Бегите! Идите! Там выдают котлеты из конины!»

И когда кому-то не досталось, то мы по-честному тем, что мы получили, поделились с остальными. Настолько событием было даже такое тогда. И я должна сказать, что когда вот сейчас иногда бывают некоторые стоны, что чего-то не хватает, мало и так далее, то наше поколение, в общем-то, улыбается, потому что если бы отдаленно было что-то, что сейчас есть, то... Мы и так считали себя счастливыми. Потому что, вероятно, уж тогда-то действительно не это определяло ни тонус нашей жизни, ни многое другое.

В.Д.: Да. Распределителей не было.

Б.Г.: Нет, не распределителей не было, а самое главное, что не было потребительских настроений, что это считалось в достаточной степени второстепенным. Мы как-то даже не умирали, как вы видите, от голода, и больше того, настроение было всегда...

В.Д.: Но в 21-м году Москву наводнили голодные.

Б.Г.: Это еще был голод на Поволжье.

В.Д.: Ах, да, да.

Б.Г.: Был в те годы, как раз до этого еще. Но вы не забывайте, что уже с 21-го года (это вы прекрасно помните), когда начался НЭП, то уже, конечно, стало по-другому с продуктами. Это вот уже все последующие годы.

В.Д.: Все-таки это собственно с 22-го года.

Б.Г.: Да. Весь 21-й год был...

В.Д.: Голодные с Поволжья.

Б.Г.: 22-й год, как я вам сказала, я работала в Коминтерне и училась и так далее. Затем я для себя твердо решила, что мне ни к чему, молоденькой девчонке, работать в международной организации, в которой я могла, конечно, быть по своему возрасту и положению, и по всему, на какой-то, понимаете, такой весьма второстепенной работе. Оставаться переводчиком или референтом, как я числилась по документам, которые есть сейчас в Институте марксизма-ленинизма, мне было просто неинтересно. Я решила, продолжая более усиленно учебу, уйти, как мне тогда предложили, на работу на завод. Я пошла первым освобожденным секретарем комсомольской организации. К тому времени комсомольская организация 1-го завода, которую мы начинали восстанавливать в 21-м году, уже насчитывала несколько десятков человек. Завод был чрезвычайно интересный. Я туда пошла работать по предложению райкома комсомола и Московского комитета комсомола первым освобожденным секретарем комсомольской организации.

Коминтерновские знакомства

В.Д.: А в Коминтерне кого вы знали лично?

Б.Г.: Рядом со мной в комнате жил Пальмиро Тольятти. Тогда он назывался Эрколи. Это была его кличка. Жил с женой и своим ребенком.

В.Д.: Он здесь жил долго.

Б.Г.: Да. Он здесь жил долго. Во всяком случае, вот в ту пору, что я жила там, почти год.

В.Д.: Умер-то он в Италии, но...

Б.Г.: Нет, он умер у нас. Он умер в «Артеке». Мне показывали постель в «Артеке», на которой он лежал. Он приехал на праздник в «Артек».

В.Д.: Уже приехал.

Б.Г.: Да. Он приехал сюда отдыхать. Жил он в районе Алупки. Его пригласили на праздник. Он с охотой поехал туда. Он был болен: большое сердце. Находясь там как раз на празднике, он сидел чрезвычайно довольный, радостный. У него было прекрасное настроение, как мне говорила художественный руководитель «Артека» (она живет сейчас здесь, такая Линецкая), такое очень приподнятое, и вдруг ему стало плохо. Его довели до первого коттеджа, в котором жили дети, положили на койку, и там он умер.

В.Д.: Сердечник?

Б.Г.: Да, да, да. У него был инфаркт.

В.Д.: Первый инфаркт у него был?

Б.Г.: Нет, я думаю, что это был не первый. Он знал, безусловно. Потому что он приехал полечить сердце. Куусинена очень хорошо знала, который был там. Близко его знала. Мануильского знала очень хорошо. Совершенно замечательный человек. Когда я в Коминтерне молодежи работала, он и тогда работал, но тогда он уже стал председателем русской делегации Коминтерна. Дмитрий Захарович Мануильский, как вы знаете, один из крупнейших деятелей с Украины, который много лет работал в Коминтерне председателем русской делегации. Был и Альфред Курелла, который стал потом, может быть, вы слышали, министром культуры в ГДР. Альфред Курелла. И многих-многих других. Вильгельма Пика видела и разговаривала с ним неоднократно, но это тоже уже было несколько позже, когда я работала в Коминтерне молодежи. А потом, в 25-м году я вышла замуж за члена Президиума Коминтерна молодежи, такого Милана Милановича Горкича, представителя Югославии, генерального секретаря ЦК Комсомола Югославии. Мы вместе с ним встречались с целым рядом людей, которых он знал по своей работе, а работали мы вместе в Коминтерне молодежи, в исполнительном комитете. Но это был уже 25-й – 26-й год. Это было позднее.

В.Д.: Так что когда был съезд революционных писателей, то вас уже там не было, в Коминтерне? Когда Харьковский съезд был. Это вы уже не имели отношения...

Б.Г.: Я хорошо помню Первый съезд советских писателей в 1934 году. А этого совсем не помню.

В.Д.: Это другое совсем.

Б.Г.: Нет-нет. Я просто многих людей видела и помню. Эрнста Толлера, который приезжал тогда, такой крупный драматург был. Если специально вспомнить именно тот период, можно целый ряд имен дополнительных вспомнить, но я этого, честно говоря, не делала, потому что не думала, что мы на этом задержимся.

В.Д.: Простите, я вас на этом уведу в сторону. Поскольку вы помните только имена, так сказать, вам рассказать о них, собственно, особенно нечего, ведь это случайные встречи.

Б.Г.: Понимаете, как правило, эти люди имеют такую богатую биографию, что мне мельком дополнять ее ни к чему.

В.Д.: Пожалуй, правильно. Не будем. Вернемся к генеральной линии.

Б.Г.: Если потом что-то особо характерное вспомнится в отношении кого-нибудь, я вам тогда скажу. А так вот имена, которые я вам называю, – это были очень такие... Я видела там и Ульбрихта, который потом был много лет генеральным секретарем ГДР, и целый ряд других. Шмералея очень хорошо я знала, потому

что он был дружен с мужем. Он был один из секретарей Чехословацкой компартии, которая имела большое влияние, большой вес и уже в 20-е годы была легальной партией в Чехословакии.

В.Д.: А вот ваш муж был комсомольским работником Югославской партии?

Б.Г.: Да. Он был генеральным секретарем ЦК комсомола Югославии. Был послан представителем сюда. Был членом президиума, а затем был избран членом Международной контрольной комиссии, когда ему было ровно двадцать четыре года, в 28-м году, и оргсекретарем потом Коминтерна молодежи, Исполкома Коминтерна молодежи. Он очень много вообще выезжал за рубеж и был на подпольной работе там на всякой. И затем уже с 31-го он был на протяжении ряда лет генеральным секретарем ЦК партии Югославии.

Бетти Глан с Миланом Горкичем и дочерью. 1930-е гг. Источник фото: planeta-mosn.ru

В.Д.: Это что же, до Тито?

Б.Г.: До Тито. Тито входил в состав Политбюро, когда муж был генеральным секретарем. Потом он в 30-м году...

В.Д.: Он учился у нас в Свердловске?

Б.Г.: Он очень мало учился. Здесь недавно я встречалась с одной писательницей, Радволиной Идой, которая очень хорошо знала, кстати, и самого Тито, и его биографию. Она говорит, что он учился мало. Но это не важно. Мы опять перескакиваем. Отвлечемся очень от этого дела.

Я просто говорю, что у нас с мужем было очень много общих интересных друзей, товарищей, с которыми мы не только работали, но и усиленно занимались спортом, потому что было много немцев, а они все великолепные спортсмены.

Что видно сейчас по их достижениям на последней Олимпиаде, и зимней, и летней. Прекрасные спортсмены. Всегда умели это сочетать с очень большой работой. Мы систематически все занимались зимним спортом, лыжным и конькобежным, и особенно летним — плаванием, греблей. Вот мне довелось быть на гребной двойке с будущей женой Ульбрихта, Лоттой Кюн, которая потом стала Лотта Ульбрихт. Она с ним разъезжала всегда, бывала очень много раз и в Советском Союзе, и так далее.

В общем, выросло из этой группы несколько чрезвычайно крупных потом деятелей. Хотя бы Луиджи Лонго, который потом стал генеральным секретарем, он же председатель Итальянской компартии. Джузеппе Берти, такой был крупный деятель Итальянской компартии. Раймон Гюйо — секретарь Французской компартии, который, когда отмечалось пятидесятилетие Коминтерна молодежи, одиннадцать лет тому назад, специально приезжал сюда из Франции. Ну, так вообще много чрезвычайно интересных людей, которые тогда начинали свой путь в комсомольском, в КИМовском движении. Много наших русских ребят, которые там были: и Чаплин, и Мильчаков, и Косарев, и Чемоданов — все они в разные времена входили в состав нашей русской делегации.

В.Д.: Вы не были в ее составе?

Б.Г.: Я была ответственным секретарем. Тогда это называлось «политическим секретарем» в русской делегации в Коминтерне молодежи, а назначал меня на эту работу секретариат ЦК комсомола. Я была заместителем председателя Комиссии по приему иностранных делегаций. В 25-м году появились первые делегации иностранной молодежи. Первой приехала к нам австрийская делегация, а затем, осенью 25-го года, приехали четыре делегации, первые совсем. Меня назначили комиссаром к двум делегациям, французской и бельгийской, а мужа — к немецкой и чешской. Но об этом я специальную книгу в свое время написала и статьи, которые...

В.Д.: Написали уже?

Б.Г.: Да. Там подробности приема этих делегаций и путешествий с ними очень насыщенных и так далее. И затем в специальном журнале «Наш современник», что ли... Тут лежит. Там как раз я рассказывала об очень интересных поездках, о перспективах и сложностях, которые были, кстати, результатом этих поездок. Ну вот, это было в 25-м — 26-м году.

В.Д.: Вы очень хорошо даете ваши даты. То, что вы даты даете, как-то очень облегчает. Все обычно путают, а вы по порядку говорите.

Б.Г.: Нет, я просто хочу, чтобы вам было ясно, что наше поколение не могло начинать жизнь в двадцать пять лет. Вот вас парк интересует. Я к этому времени была уже, понимаете, как я считала, сложившимся...

В.Д. (смеется): Старухой.

Б.Г.: Ну, нет, я и теперь себя не считаю.

В.Д.: Ну, вы и сейчас не старуха. Мои товарищи в этом возрасте...

Б.Г.: Да. Ну, всё относительно. Я помню, мне было семнадцать лет, когда я работала в Коминтерне вначале, я очень дружила с чрезвычайно интересным человеком. Я сейчас вспомнила. С дочерью Инессы Арманд.

В.Д.: Инна, как она, Александровна была?

Б.Г.: Тоже не помню ее отчества, потому что она...

В.Д.: Я с ней работал в Литературном музее много лет.

Б.Г.: Да. Она была Инна. Она была старшая сестра.

В.Д.: Инна Александровна.

Б.Г.: Инна Арманд. Да. У нее была сестра Варя Арманд, художница, к которой Ленин и Крупская ездили во ВХУТЕМАС. Известный факт, когда там была беседа о Маяковском, кстати говоря.

В.Д.: Воспоминания Сенькина* об этом.

* Сенькин С.Я. Ленин в коммуне Вхутемаса // В. Маяковский в воспоминаниях современников / вступ. ст. Э.С. Паперный; сост. Н.В. Реформатская; подгот. текста и примеч. Н.В. Реформатская. – М.: Художественная литература, 1963. или Сенькин С.Я. Ленин в коммуне Вхутемаса // Молодая гвардия. 1924. 2–3.

Б.Г.: Я не берусь сказать, чьи точно, но они много раз упоминаются как пример того, насколько Ленин был внимателен к мнениям молодежи, к их оценкам, к их привязанностям, и он, вначале не очень расположенный к Маяковскому, когда услышал, как ребята во ВХУТЕМАСе восторженно о нем говорили, возвращаясь, сказал Надежде Константиновне: «Над этим надо призадуматься. Мы, воспитанные на Пушкине, Некрасове и так далее, вероятно, меньше воспринимаем современных поэтов, а он вызывает такие огромные симпатии со стороны молодежи. Над этим надо призадуматься». Ну вот, это была поездка к Варе Арманд, к сестре Инны.

В.Д.: Во ВХУТЕМАС.

Б.Г.: Да. В общежитие ВХУТЕМАСа. Это факт известный. Он многократно печатался. Я тут ничего нового не сообщаю. А Инна работала в комитете, и она была старше меня на семь-восемь лет. Несмотря на то что мы с ней очень дружили, я смотрела на нее как на человека, ну, почти заканчивающего жизнь. Понимаете? Настолько относительно понятие «возрастное».

Памятная доска в честь встречи Ленина со студентами ВХУТЕМАСА. Мясницкая улица, 21/8, Москва

В.Д.: Спустя десять лет я работал в Литературном музее с Бонч-Бруевичем. Я не понимаю, как он туда попал, хотя Бонч-Бруевич тогда был известный.

Б.Г.: Вы знали дочку Бонч-Бруевича? Она врач крупный. У нее был очень талантливый сын. Она была женой Авербаха. Очень способный сын, которого усыновил Бонч-Бруевич. Он потом доктором наук стал, талантливый в математике.

Возвращение на завод. Назначение директором Парка культуры.

Это был 23-й год, если последовательно биографически вернуться к тому времени, когда я работала на заводе освобожденным секретарем комсомольской организации. Так прошел весь 23-й год и часть 24-го. Документ интересный. К моему шестидесятилетию завод прислал делегацию меня поздравлять. Директором был Воронин Павел Андреевич, дважды Герой Социалистического Труда.

В.Д.: А вы его принимали в комсомол?

Б.Г.: Да. Будучи секретарем комсомольской организации, я его принимала в комсомол. Он был рабочим парнишкой. Потом он на этом заводе рос, рос и стал директором, а теперь один из знаменитейших строителей авиационных. И как он был, так и остался замечательным человеком. Тогда они вместе с этим адресом преподнесли значок ударника завода по культурной линии, потому что на этот завод я вернулась

после КИМа.

Значит, в 24-м году меня райком назначил заведующей комсомольским районным клубом молодежи. Это целая эпопея. Масса интересных тоже людей. Каждый период жизни связан с какими-то интересными людьми. Там я работала год примерно, и меня забрал секретариат ЦК комсомола. К этому времени я уже заканчивала университет, заканчивала иностранное отделение внешних сношений. Мне предстояло куда-нибудь уехать, намечено было назначение в одну далекую страну. А секретарь ЦК комсомола меня перехватил и забрал на работу в Коминтерн молодежи в качестве ответственного секретаря русской делегации Коминтерна молодежи. Это было почти начало 25-го года. О КИМе мы немножко говорили.

В.Д.: И параллельно последний курс заочного университета.

Б.Г.: Да. Я там работала 25-й — 26-й годы. К этому, если надумаю, вернусь когда-нибудь. И затем опять-таки, уже теперь посоветовавшись с мужем, который был настоящим большевиком того времени, для которого самое главное было, чтобы человек не забюрократился, чтобы человек отдавал максимум своих сил делу и так далее. Когда я ему сказала, что мне кажется, что в КИМе мне не надо долго работать, что я бы хотела вернуться на свой завод, он очень горячо это поддержал. А меня уже давно усиленно просили вернуться на этот же завод. Я не знаю, наверно, это не надо говорить. Это все знают. Этот завод сейчас — это «Знамя Труда». Колоссальный совершенно завод, который производит «Ил». Ильюшин — их главный конструктор.

В.Д.: Понятно.

Б.Г.: Генеральный конструктор. Теперь это уже целый город. Там есть музей завода.

” В музее даже висит мой портрет как первого освобожденного секретаря комсомольской организации, потому что для них это связано с историей завода и историей комсомольской организации.

Я вернулась туда, но уже совершенно в другом качестве. Я вернулась туда в качестве художественного руководителя и директора Дворца культуры «Авиаким», который был очень известен как такой крупнейший культурный центр. Потом он получил новое название «Дом культуры имени Чкалова». А когда я в нем работала, он еще назывался именем «Авиаким». Он и сейчас стоит на углу Ленинградского проспекта и улицы Правды.

В.Д.: Представляю.

Б.Г.: Там я проработала два года примерно. 27-й и 28-й я работала там. И в это время открылся Парк культуры.

В.Д.: Как открылся? Он с вами вместе, по-моему.

Б.Г.: Примерно. Я пришла на несколько месяцев позднее. Он открылся в августе 28-го.

В.Д.: А я думал, что вы его задумали и начинали.

Б.Г.: А я с 29-го. Там был временно исполняющий обязанности. Он работал заведующим Дома крестьянина, его в общественном порядке по совместительству такому назначили управляющим.

В.Д.: Еще когда продолжалась выставка сельскохозяйственная.

Б.Г.: Он работать со времен сельскохозяйственной выставки не мог там. Потом работал заведующим Дома крестьянина.

В.Д.: А где тогда был Дом крестьянина?

Б.Г.: На Трубной площади. Тридцать первым или пятнадцатым троллейбусом, там остановка, справа

это дом.

Московский комитет комсомола стоял за то, чтобы меня выдвинуть туда. Исходя из такой информации непонятной, я думала — заместитель директора по работе художественной, культурной работе и так далее. И комсомол вместе с Московским комитетом партии выдвинули мою кандидатуру на это дело. Это было начало 29-го года. Собственно говоря, парк просуществовал вначале меньше месяца. Он открылся 12 августа 28-го года.

В.Д.: Открылся все-таки.

Б.Г.: Открылся, да. Там работа шла примерно до начала сентября. Затем он был снова закрыт, потому что было много недоделок еще, которыми занимались вот в последующие... А я туда пришла в самом начале 29-го года и вскоре была уже назначена художественным руководителем и директором этого парка, которым проработала около восьми лет примерно. По-моему, это уже дополнительный разговор.

В.Д.: Я думаю, что давайте парк еще. Не осилим?

Б.Г.: Давайте сделаем, во-первых, перерыв маленький.

В.Д.: Ну хорошо.

(Перерыв в записи)

О писателе Якове Ильине

В.Д.: Писатель Ильин умер, оказывается, в 32-м году, а я не знал, умер он или не умер. Я не интересовался специально, но Ильин, «Большой конвейер» — мне это запомнилось.

Б.Г.: Я уже говорила о том, что в нашей дружной семье, когда еще мы были детьми сравнительно, я особенно нежно относилась к своему младшему брату. Когда я уезжала, а он был моложе меня примерно на полтора года.

В.Д.: Вам было?

Б.Г.: Мне было шестнадцать, ему было четырнадцать с половиной лет. Он тогда учился в школе и, будучи очень способным художником, учился, как я уже вам говорила, вместе с Константиновским и другими. Была такая студия «Эксперт».

В.Д.: Помню. «Экстерн» или «Эксперт»?

Б.Г.: «Эксперт». Почему-то так называлась. Когда я уезжала...

В.Д.: В студии чего?

Б.Г.: В студии живописи. С ней связаны имена таких знаменитых художников, как Исаак Рабинович. Крупнейший художник, которым он стал уже в театре Вахтангова: «Много шума из ничего» и вообще огромное количество постановок. Это был один из самых выдающихся и талантливых театральных художников. Константиновский был в Ленинграде, а этот был наряду с другими известными художниками того времени — Федоровским в Большом театре и другими — он был как раз в Москве. Он киевлянин. Из школы очень интересной, очень передовой они вышли.

” Когда я уезжала, брат мне сразу по секрету сказал: «Уезжай, дорогая, а через год я к тебе приеду. Ты от меня не уйдешь». В четырнадцать с половиной лет он уже для себя решил, что тоже обязательно уедет и будет вести самостоятельную жизнь.

И действительно в конце 21-го года, когда он уже кончил семилетку тогда только, школу, я его забрала в Москву.

В.Д.: Тогда семилетки еще не было. Младший класс был первый, старший — третий.

Б.Г.: Ну, значит, она равнялась. Она равнялась, по-моему, семи или восьми классам. Я забрала его сюда. Он поступил во ВХУТЕМАС, поскольку был очень, как я уже говорила, способным по живописи. Причем очень интересно, что я, говоря о детстве, не упомянула того, что у нас был необычайно интересный дед, отец нашего отца.

В.Д.: Отца?

Б.Г.: Да. Необычайно интересный человек, которого по теперешнему названию можно было бы назвать «свободным художником». Он был великолепный певец, обладал очень красивым голосом, басом таким, и очень талантливый художник, но художник-ремесленник. Он рисовал золотом по черному бархату. И в книге о брате я как раз писала о том, как он создал из нас хор целый. Из своих детей от второго брака и из внуков он создал целый хор. Мы систематически у него собирались и пели огромное количество песен.

В.Д.: Это второй брак деда?

Б.Г.: Деда, деда. Все мы унаследовали от него музыкальный слух, который он у нас развивал и так далее. И только брат, единственный, унаследовал его талант живописца. У нас это выразилось только в том, что мы любили очень живопись, посещали массу выставок и так далее. Но никто больше не рисовал. А брат был очень талантливый в этой области. Пробыв во ВХУТЕМАСе буквально два месяца или три, он ушел на завод. Вероятно, по тем же мотивам, по которым я уходила один раз и второй раз из Коминтерна и из Коминтерна молодежи. Ему было шестнадцать лет, и он считал, что только учиться — просто грех в такое время, что надо обязательно работать, надо находить себя и надо соответствующим образом воспитываться в среде, которая будет очень полезна и перспективна. Он ушел на завод, «Красная Пресня» назывался, и ушел в самый трудный цех — в литейный цех.

В.Д.: Рабочим?

Б.Г.: Да. И работал литейщиком. И в «Большом конвейере» Газган (сейчас вы, наверно, не помните этого дела), главный герой этой книги, очень автобиографичен. Он тоже литейщик, и, собственно говоря, он в какой-то мере выражал и мысли, и мечты, и упования самого Ильина. Работая на заводе, он параллельно начал писать, начиная со стенгазеты, с многотиражки и прочее дело. Уже первая публикация была в 23-м году, стенгазета, а затем уже дальше. Ну, подробно рассказывать его биографию, я не знаю, нужно ли. Что в 24-м году его послали в Сергиевский уезд, бросили на очень тогда ответственную работу посевной. Оттуда он вернулся...

В.Д.: В двадцать каком году?

Б.Г.: 24-м.

В.Д.: 24-й — это ведь еще не коллективизация.

Б.Г.: Да, но уже посевная-то очень большая была. Очень большая работа.

В.Д.: Еще раскулачивания не ждут. 24-й год.

Б.Г.: Да. Нет, во всяком случае, в тот период уже комитеты бедноты всякие были и прочее. Там просто велась работа. Уже были коммуны, были объединения различные сельскохозяйственные.

В.Д.: Избачи* были.

* Культработники, заведующие избами-читальнями в деревнях и селах.

Б.Г.: Да, да. Нет, еще не было коллективизации в полном смысле слова, но коммуны были уже с 20-х годов, как вы знаете. Отдельные коммуны. Корнеплодами он там занимался, целым рядом проблем, связанных

с подъемом экономической жизни и хозяйства на селе. Затем он вернулся сюда на некоторое время, после был послан в Саратов тоже в 24-м.

В.Д.: Он тоже был послан по комсомольской линии?

Б.Г.: Да, тоже был по комсомольской линии. И тоже в Балашовский уезд такой, где он работал по комсомольской линии и вместе с тем очень усердно работал слесарем на заводе «Сотрудник революции». Он вернулся в 25-м году. В 25-м – 26-м работал в издательстве «Новая Москва», такое было.

В.Д.: Помню.

Б.Г.: Помните, да? Заведовал он там отделом самого издательства, а в 27-м его ЦК комсомола назначил (сначала членом редколлегии он был) заместителем главного редактора «Комсомольской правды». Там-то он и проработал весь 27-й, 28-й и 29-й год. К этому периоду относилось создание его первых книг: «Жители фабричного двора», целый ряд статей. Есть особенно знаменитая статья, которая тогда вызвала очень много шума. Она называлась «Комсомолец, на трактор!» Тогда в ответ на бывший призыв Ленина о мечте его о ста тысячах тракторов он там поставил вопрос после того, что он побывал в этих сельских хозяйствах...

В.Д.: А еще до сталинского? До Сталина? В 30-м году Сталин сказал...

Б.Г.: До. Это была статья примерно 26-го года. У меня есть тут справки, я потом погляжу. Это ленинский тезис был о том, что, если бы могли иметь сто тысяч тракторов, мы бы сделали целую революцию в сельском хозяйстве. Развивая это положение, он написал эту статью, которая была напечатана в «Комсомольской правде», потом в других газетах. Главное, она стала боевым призывом для комсомольцев в смысле овладения такой техникой, чтобы комсомольцы шли в трактористы. Период работы в «Комсомолке» — это тоже целая эпопея. Чрезвычайно интересная, потому что, в частности, в 29-м году...

В.Д.: Это когда Костров был редактором?

Б.Г.: Костров был главным редактором, точно, первое время. Костров умер в 30-м году.

В.Д.: Я помню, да.

Б.Г.: Я как раз была тогда в Гаграх. Он умер в Гаграх. Мы были с мужем тогда вместе. Он умер от скарлатины. Мы его хоронили.

В.Д.: Костров от скарлатины?

Б.Г.: От скарлатины.

В.Д.: В таком возрасте? Двадцати, наверное, с чем-то?

Б.Г.: Да нет. Он был молодой. Было ему тридцать с чем-нибудь, я думаю.

В.Д.: Не двадцать с небольшим?

Б.Г.: Нет. Нет. Постарше меня. Хоронили его, как теперь помню, в стеклянном гробу. Интересно просто отметить, что они в 29-м году подняли и предали широкой огласке ленинское положение о социалистическом соревновании. И как раз брату пришлось участвовать. Безыменский, который был его очень большим другом, страстно его любил, написал о нем очень страстное, проникновенное стихотворение, которое называлось «Человек-песня». После его смерти написал такое стихотворение. Оно напечатано в «Комсомольской правде». Безыменский как раз вспоминает детали того, как они в «Комсомольской правде» чрезвычайно широко освещали этот вопрос, как Ильину пришлось быть в комиссии по разработке первого воззвания о социалистическом соревновании.

Он просто представлял собой такой интересный тип молодого человека, который чрезвычайно увлекался новой техникой, новыми идеями, перестройкой экономической базы и на этой базе переделкой человеческого сознания.

Насколько он увлекался техникой, видно еще и из того, что он был одним из создателей, можно сказать, уже потом на волгоградском заводе, по которому он написал «Большой конвейер», а туда он попал в 30-м году. Был он в бригаде «Правды». С 30-го года он работал — 30-й, 31-й, 32-й — в газете «Правда». Заведовал отделом рабочей жизни. Его послали к бригаде, в которой был ряд интересных людей, в том числе Галин, писатель известный, теперь он лауреат Государственной премии, орденоносец и так далее. Безыменский был. И были другие товарищи. Так вот, они тогда там провели первую такую техническую конференцию рабочих, в которой принимали участие рабочие, инженеры и так далее. Это положило начало последующему, так сказать, целому ряду.

Одновременно работая там, он собирал материал для двух книг. Так была потом сделана книга «Люди Сталинградского тракторного». Она шла по истории заводов, задуманной Горьким, поэтому Горький предпослал этой книге, которую делал в основном Ильин... Это был такой сборник, написанный самими рабочими.

В.Д.: Таких записей, но не фонографических, конечно, а журналистских.

Б.Г.: Да. Записей иногда очень неумелых, но чрезвычайно искренних и правдивых, которые обрабатывались Ильиным и потом Галиным. Это была одна из первых книг по истории фабрик и заводов, которой Горький предпослал очень взволнованное предисловие, назвав ее одной из самых интересных книг последних пятнадцати лет, которые явились в нашей литературе. Так там сказано.

А затем был написан... Причем он не был полностью закончен, хотя за пару дней до грустного конца он написал уже предисловие к «Большому конвейеру», но после его смерти он немножко доводился чисто в корректорско-литературном плане и был издан в 34-м году.

Ильин Я. Большой конвейер // Роман-газета. №№ 2 (106) — 3 (107). 1934 г.

В.Д.: А от чего он умер?

Б.Г.: У него был туберкулез почки, который не был сразу распознан. Главным образом он, конечно, как правильно говорили, умер от невероятной перегрузки, от недоедания, от недосыпания, от того, что, будучи больным, он занимался не лечением, а бесконечно работал на заводе. Полулежа и очень плохо себя чувствуя, продолжал все время работать. Так что он оттуда, почти что напрямик с завода, приехал сюда в Кремлевскую больницу, и там попал уже к хорошим врачам. Поначалу и неточный диагноз был установлен. Оперировал его Розанов.

В.Д.: Розанов? Причем сам Ильин уже был, так сказать, членом партии...

Б.Г.: Он был дважды членом ЦК комсомола. Он был членом партии с 24-го года, так же как и я. Он совсем мальчишкой вступил в партию. Он в комсомоле был с 22-го, а членом партии с 24-го.

В.Д.: Я думал, что это несчастный случай был.

Б.Г.: Нет, нет. Это просто была работа на износ. Организм молодой, просто в какой-то мере не справился с этим делом. Если бы его раньше на год хотя бы начали всерьез лечить...

В.Д.: Сестра недосмотрела.

Б.Г.: Он уже к тому времени был женат и имел дочь. Жена его была очень известным впоследствии

человеком, такая Анна Северьянова.

Северьянова Анна Алексеевна. Источник фото: wikipedia.org

В.Д.: Фамилию слышал, но откуда?

Б.Г.: Она была председателем Центрального бюро юных пионеров, членом ЦК комсомола и впоследствии одной из женщин, которые имели три ордена Ленина. Она была работницей текстильной промышленности. Она долгое время работала в Иванове секретарем обкома комсомола. Он долгое время работал здесь. Так сказать, условия были не самые лучшие. Единственное место, куда он прибегал, чтобы поесть, отдохнуть и так далее, был мой дом. Я тогда жила в Газетном переулке — улица Огарёва.

В.Д.: Да-да, мне эти переулки не надо переводить.

Б.Г.: Есть книга, которую я сделала о нем. Вышла в 67-м году в «Советском писателе». Она называется (я вам потом покажу ее) «Яков Ильин: воспоминания современников». Там есть очень много отзывов, много статей...

В.Д.: Он вообще-то тоже Глан. Это его псевдоним.

Б.Г.: Да. Он Ильин. Он так по всем документам проходил потом, потому что он, как только приехал, опять-таки в порядке такой независимости взял себе сразу в 24-м году литературную, так сказать, фамилию.

В.Д.: Значит, будучи художником, он, в сущности говоря, стал журналистом?

Б.Г.: Да. Но у меня есть, например, от него прекрасные фотографии театрального макета, который он делал. Он всегда, когда я работала в 24-м году в районном комсомольском клубе, вместе еще с нашими ребятами фабричными, которые приходили ежевечерне (у нас там был прекрасный актив комсомольский), разрисовывал весь клуб, все плакаты. Мы недавно отмечали дату его рождения, и все собирались в Музее истории комсомола.

В.Д.: Он 5-го года?

Б.Г.: Да, он конца 5-го. И там выступал Александр Ацаркин, профессор МГУ.

В.Д.: Профессор чего?

Б.Г.: Он профессор истории. Занимается все время историей рабочей молодежи. Доктор исторических наук. Он очень такой интересный человек. Он там выступал как раз, рассказывал, как он приходил в этот знаменитый городской клуб молодежи, который находился в Козицком переулке. Как раз я там жила в «Люксе». Козицкий переулок, дом...

В.Д.: Сзади.

Б.Г.: Да, за ним, там, где... Филипповская... Ну вот. Там его тоже, так сказать, все они адски эксплуатировали, для того чтобы рисовать плакаты, портреты и так далее. Он это любил очень, но уже никак не считал, что это его основная профессия. Своей основной профессией он все-таки потом считал, так сказать, литературу. Что еще очень интересно, что он был очень дружен с Маяковским. Для вас это интересно. Маяковский его очень ценил и любил.

” Как вот здесь вспоминают, он был единственным человеком, который был с Маяковским на «ты», из этой среды «Комсомольской правды», хотя он был значительно моложе Маяковского.

Маяковский прекрасно к нему относился. Он его усиленно привлекал к «Комсомольской правде», что нашло большое одобрение и со стороны Орджоникидзе, когда там появился ряд стихов.

В.Д.: Костров же был тогда.

Б.Г.: Костров был главным редактором. А потом очень недолгое время Ильин был исполняющим обязанности главного редактора. А потом...

В.Д.: Бобрышев.

Б.Г.: Да, потом был Бобрышев Иван, а после был Владимир Бубекин. Когда Яша умер, как раз в «Комсомолке» (я вам покажу, потому что у меня остались газеты того времени – и «Комсомольская правда», и «Правда»), тогда невероятно тепло и широко отмечали в печати это грустное событие, которое просто выявило какую-то чрезвычайную и необычайную популярность, которую он имел, несмотря на свой очень юный возраст.

Очень хорошо сказал о нем вот на этом вечере заместитель секретаря комсомольской организации Союза писателей. Он сказал так: «Я сегодня был на отчетно-перевыборном собрании писателей у нас в Союзе. Там выступали люди тридцати четырех, пяти и больше, может быть, лет, которые называют себя молодыми писателями. Они очень жаловались на то, что никак не могут пробиться в литературу. А здесь идет разговор о человеке, который умер двадцати семи лет, оставив в истории литературы книги, которые...» Шагинян, в частности, выразилась, что «Большой конвейер» она считает одним из самых замечательных памятников нашей литературы того времени, входящим в золотой фонд советской классики». Так Мариэтта Шагинян написала о нем в книге «Яков Ильин: воспоминания современников». К этому можно добавить еще то, что многое осталось у него в записях незаконченным. В частности, был у него интереснейший замысел для книги «Наше поколение», о котором он много рассказывал Борису Горбатову, своему большому другу. Он сам мне потом говорил, что это название, только чуточку изменив, взял для своей книги. Она называлась у него «Мое поколение».

В.Д.: Кто?

Б.Г.: Горбатов. Горбатова вы знаете. Крупный очень писатель. Ну вот. Пожалуй, о нем можно было бы много говорить просто как о таком, как его называли, «большевицком юноше». Герасимова его так называла и многие другие. В книге как раз много авторов, с одной стороны, и с Волгоградского завода — и инженеров, и рабочих, которые его хорошо знали, а с другой стороны, очень много писателей — и Исбах, и Безыменский, и Валерия Герасимова, и Мариэтта Шагинян, и многие другие, которые с необычайной теплотой говорили о нем как о таком чрезвычайно типичном представителе своего времени. В свойственной ему ипостаси всего пути его развития.

Поездка в Крым. Шутки Отто Шмидта.

В.Д.: Простите, именно по этой теме вопрос возникает. Тут ведь дружба с Безыменским. Ведь это как

раз разные поколения. Безыменский — рождения 90-х годов. 97-й, 98-й... А это 905-й же год.

Б.Г.: Разница в восемь-десять лет тогда не имела такого значения. Я вам говорила про Инну Арманд, которая была старше меня на восемь...

В.Д.: И вы считали ее за свою?

Б.Г.: Да, да. Мы с ней в очень хороших были отношениях. Я с ней встретила через много лет. Она была потом женой Гуго Эберлейна, секретаря ЦК компартии Германии. И встретились мы в 34-м году, когда мы были вместе с Асеевым и его женой, Кирсановым и его женой и неизвестным, вероятно, и вам Константином Уманским, который был заведующим отделом печати Наркоминдела тогда. Мы, живя в Форосе, были на отдыхе.

В.Д.: В Крыму.

Б.Г.: Да. Поехали в гости к Отто Юльевичу Шмидту, который пригласил нас...

В.Д.: Сыновей которого мы сейчас записываем.

Б.Г.: Да. Сигурда, да?

В.Д.: Сигурда и Владимира.

Б.Г.: А он там был как раз с матерью, с Верой Фёдоровной. И, узнав, что мы там... А я с ним была знакома по Парку. Он почти ежегодно выступал у нас с очень большими сообщениями, докладами. Отто Юльевич часто у нас бывал. И когда эпопея челюскинцев была, и после этого он у нас бывал уже как наш старый друг. Он бывал и в 30-м, и в 31-м, и в 32-м и так далее... Вот. Он был знаком хорошо с Клавой Кирсановой, с первой женой Кирсанова. Они вместе учились где-то в Германии. Она умерла очень молодой от туберкулеза. Он попросил нас всех приехать в гости.

В.Д.: Кто попросил?

Б.Г.: Отто Юльевич Шмидт. А жил он в доме отдыха ЦК партии. Дом отдыха ЦИК Верховного Совета. Мы жили в Форосе. А это ЦИКовский дом. Очень небольшой дом, в котором тогда было несколько человек, в том числе и Инна Арманд с Гуго Эберлейном. Они отдыхали там со мной. Там был Товстуха с женой. Он работал в секретариате ЦК партии. И вот Отто Юльевич, с которым мы провели незабываемый, совершенно замечательный вечер, когда он нам себя показал с совершенно неожиданной стороны: очень остроумным, очень веселым.

В.Д.: Отто Юльевич?

Б.Г.: Да, да.

В.Д.: Расскажите. Мы о нем уже кончили записывать, так что это нигде не побывало. А почему? Он что-нибудь там театральное делал?

Б.Г.: Нет, не театральное. Он просто вдруг завел одну такую, я бы сказала... Но это можете не стоит записывать. Могу рассказать, но записывать не надо. Что он показал себя остроумным, веселым, а не таким только крупным, солидным ученым, который, так сказать, не умеет улыбаться, это факт. Но на чём — это вам расскажу потом.

В.Д.: Расскажите. Это очень интересно. Я знаю, как развлекал в Доме ученых профессор Бочаров, который был почти слепой. Он просто провел такую целую концертную программу.

Б.Г.: Он очень интересную игру организовал между нами всеми.

Было столько смеха и хохота, что когда мы уезжали, то врачи и сестры сказали: «Пожалуйста, приезжайте почаще. Никакое лечение не может заменить того воздействия веселья и смеха, которое сегодня царило в нашем доме».

В.Д. (*смеется*): Чем он их насмешил?

Б.Г.: Это все-таки не для записи. Это можно выключить, и тогда я вам расскажу. Тем более что это вам... Я вспомнила этот эпизод в связи с тем, что я увидела второй раз...

В.Д.: Тогда остановите, пожалуйста.

Б.Г.: Я увидела Инну Арманд через много лет. Это был 34-й год. А мы с ней встречались и вместе работали в начале 20-х годов, когда я работала в Коминтерне.

В.Д.: Ну хорошо. Но все-таки этот сюжет расскажите. Остановите (*Дувакин обращается к М.В. Радзишевской*).

М.Р.: Пусть, а потом мы сотрем тогда, если посчитаем... Давайте, скажите.

Б.Г.: Никакого криминала тут не было. Он предложил такую игру. Мы ее потом как-то повторяли с Юрием Александровичем Завадским, и он тоже безумно хохотал. У него было такое очень веселое настроение. Он, значит, по очереди каждого приглашал. Он сидел. Вера Фёдоровна была за секретаря у него. Она записывала. А он на полном серьезе спрашивал у нас, что мы ощущаем, когда он карандашом водил вот так вокруг пальцев. Обводил карандашом все пальцы. И каждый отвечал такие весьма индивидуальные ощущения, говорил о своих ощущениях. Одни говорили: «Щекотно». Другие говорили: «Больно». Третьи говорили: «Ничего не ощущаю». Некоторые говорили, что это очень приятно, и так далее. Без улыбки он все это воспринимал, а Вера Фёдоровна это все записывала. Потом, когда вся эта процедура была закончена, мы все были опрошены, он ушел, сказав: «Сейчас я проанализирую». Вернулся и самым торжественным голосом объявил: «А сейчас я скажу, что каждый из вас ощущал в первую брачную ночь». (*Дувакин смеется*). Начал зачитывать все, что узнал от нас. Сразу начались вопли и крики: «Не надо! Не надо!» И так далее. Понимаете? А он невозмутимо, с едва скрытой улыбкой начал зачитывать, кто и что сказал по этому поводу. Совершенно другую окраску приобретала каждая фраза, которая была сказана: или «ничего не чувствую», или «очень приятно», или там, скажем, еще что-нибудь и так далее. Хохот стоял такой, что все сошлись абсолютно... Там не так уж много было людей, которые жили. Все хохотали до колик, что называется. Вот почему нам потом...

Еще что-то. Песни пели всякие. Мы принесли с собой патефон. Муж привез английский патефон и очень много пластинок. Так как это было такой новостью, а все мы были молодые, любили и потанцевать, и порезвиться, я его с собой взяла в Форос. Мы там устраивали вечера такие. Когда пошли туда, то все коллективно решили, что мы захватим его. Мухалатка. Вот как называлось. Это дом отдыха ЦК партии. Компактный весьма такой, для небольшого состава людей. И туда километра три-четыре было от Фороса всего.

В.Д.: Самая южная точка Крыма.

Б.Г.: Да. И мы несли его все поочередно. И только один Кирсанов никак не мог. Он такой... Вдобавок он чудный вообще был человек, очаровательный.

В.Д.: Не сказал бы «очаровательный». Колючий очень.

Б.Г.: Да. Но очень он, в общем, был хороший, честный, порядочный, настоящий человек. Он колючий был по отношению, так сказать, к соответственным явлениям. Я его знала в те годы, когда еще... Он потом очень много пережил, потому что он был страшно потрясен смертью своей первой жены, Клавдии.

Он написал замечательную поэму памяти ее. Так же, как вот Павла Антокольского поэма о сыне, так это поэма о его первой жене. Очень лиричная. Он очень был потрясен. Но тогда он еще был счастлив, она была рядом. Ну, и такой он еще немножко был с оттенком хулиганства небольшого. Ну, молодой был. Так он пойдет, пронесет метров десять и поставит под первое дерево этот патефон. И спокойно идет дальше. Хорошо, если мы обратим внимание. Я уж потом за ним следить стала. «Где он?» — «А! А вот, вот он». И мы возвращались, чтобы снова брать и нести дальше. Это было в порядке милой шутки. В общем, мы его благополучно донесли.

В.Д.: А он был в этом доме?

Б.Г.: Нет. В Мухалатке. Он был со мной в Форосе. Мы-то поехали из Фороса.

В.Д.: А в Форосе тоже был дом ЦК?

Б.Г.: Это был дом отдыха ЦИКа. Там был Асеев с женой, был Кирсанов с женой, был Константин Уманский. Мы вшестером пошли туда. Он был довольно известный уже поэт в то время. Там же тогда был с нами в компании в самом Форосе Андрей Яковлевич Свердлов, сын Якова Михайловича.

В.Д.: Андрей Яковлевич?

Б.Г.: Да. Андрея Яковлевича я очень хорошо узнала впоследствии. И его семью теперь знаю. Встречаюсь с ним. С его женой Ниной Николаевной.

В.Д.: А Германа знаете?

Б.Г.: Да, конечно. Но я его знаю просто как лектора крупнейшего. А лично я с ним мало знакома.

В.Д.: Я с ним школе учился.

Б.Г.: Да? Вот у нас на днях будет его доклад в Доме актера. Он крупнейший международник.

В.Д.: Я так его много раз слышал, но в последнее время...

Б.Г.: Да, он болел...

В.Д.: Его не слышно последнее время. Он женился на ученице нашей школы.

Б.Г.: Ему уже много лет. Он хотя самый младший был в семье... Он, по-моему, сводный брат был. Он от второй жены, по-моему, был. Он брат ведь.

В.Д.: Да.

Б.Г.: Якову Михайловичу он брат.

В.Д.: Я знаю. Но знаю, что когда он поступил в нашу школу в седьмую группу (я был в шестой), то говорили, что он уже был политруком на практике.

Б.Г.: Это могло быть, если Аркадий Гайдар мог в шестнадцать лет быть комиссаром или командиром большого подразделения военного. Это было раннее время. Время быстрых развитий. Тогда было неудивительно, если в двадцать четыре или пять лет могли назначать хударком и директором такого крупнейшего предприятия, каким был Парк. И удивительно, может быть, могло быть только то, что... Хотя вот Сиднея Вебба, о котором я говорила... Не столько он, сколько его жена страшно удивилась, допрашивала с пристрастием явным, почти с известным недоверием. Потом, когда она все-таки убедилась, что это так, то она поместила в «Правде» такую заметку, что их многое удивило вообще в Москве, очень приятно удивило, но больше всего она была поражена, когда ее познакомили с молодой женщиной («совсем юной», как она выразилась), которая руководит огромным делом и в полном подчинении у нее находится три тысячи мужчин. Этими тремя тысячами мужчин меня потом дразнили столько, что я уже была не рада этой заметке. Устраивали такие, понимаете, мне всякие демонстрации. Как входишь в столовую МК, вдруг встают и говорят: «Мы в подчинении». Мы хохотали, что в ее

подчинении был только ее собственный муж. Он такой был тихий, молчаливый, очень серьезный человек и крупный деятель, а она Беатриса Вебб.

В.Д.: Давайте мы на этом закончим.